

УДК 81'0

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.2.283.289>

ВЕЛИКОЕ ПРОШЛОЕ МАЛЫХ НАРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ САМОДИЙЦЕВ)

© 2022 г. Ю. А. Янхунен

Недавние исследования показывают, что история распространения уральских языков тесно связана с так называемым сейминско-турбинским транскультурным феноменом (конец III – середина II тыс. до н. э.), который включал торговлю бронзовыми изделиями вдоль северной границы евразийских степей в направлении с востока на запад. Наличием сейминско-турбинской торговой сети объясняется быстрое распространение и дифференциация уральских языков, в особенности их центральных ветвей, в регионе Урало-Поволжья. В связи с этим история самодийской ветви уральских языков осталась без общепринятого географического и хронологического контекста. Можно, однако, утверждать, что самодийская языковая прародина находилась в Минусинской котловине, где прасамодийский был доминирующим языком Тагарской культуры (I тыс. до н.э.). Вторжение носителей праенисейского языка в Минусинскую котловину в связи с Таштыкской культурой (конец I тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.) вызвало экспансию самодийских языков вдоль Енисея на север. Аналогичным образом через несколько столетий енисейские языки стали распространяться на север под давлением тюркского языка енисейских кыргызов. Процессы языковой экспансии вдоль Енисея можно рассматривать как цепную реакцию, параллели которой обнаруживаются и в других частях мира.

Ключевые слова: археолингвистика, экспансия языков, этническая история, самодийцы, енисейцы, тюрки, Минусинская котловина, Енисей, Тагарская культура, Таштыкская культура.

THE GREAT PAST OF SMALL PEOPLES (THE CASE OF THE SAMOYEDS)

J. A. Janhunen

Recent research suggests that the expansion history of the Uralic languages is closely connected with the so-called Seima-Turbino Transcultural Phenomenon (late 3rd to mid 2nd millennium BC), which involved trade in bronze objects from east to west along the northern border of the Eurasian steppes. The Seima-Turbino trade network may explain the rapid spread and differentiation of, especially, the central branches of Uralic in the Ural-Volga region. In this connection, the history of the Samoyedic branch of Uralic has remained without a generally accepted geographical and chronological context. It may, however, be argued that the Samoyedic linguistic homeland was located in the Minusinsk basin, where Proto-Samoyedic was the dominant language of the Tagar Culture (1st millennium BC). The intrusion of Proto-Yeniseic to the region in connection with the Tashtyk Culture (late 1st millennium BC to mid 1st millennium AD) triggered the expansion of Samoyedic towards the north along the Yenisei. In a similar way, a few centuries later, Yeniseic languages started spreading north under the pressure of the Turkic language of the Yenisei Kirghiz. The processes of linguistic expansion along the Yenisei can be seen as a chain reaction, for which parallels can be found in other parts of the world.

Keywords: archaeolinguistics, language spreads, ethnic history, Samoyeds, Yeniseians, Turks, Minusinsk Basin, Yenisei, Tagar Culture, Tashtyk Culture.

Этим кратким очерком я хочу поздравить своего старого друга, выдающегося специалиста по археометаллургии Евразии Сергея Владимировича Кузьминых. Следует отметить, что результаты его научной работы важны также и для понимания древней истории уральских языков. В последние годы становится все очевиднее, что прародина уральских языков находилась на азиатской стороне Урала, возможно, в междуречье Оби и Енисея или даже еще дальше на востоке. В распространении уральских языков с востока

на запад немаловажную роль сыграл «сейминско-турбинский транскультурный феномен» (конец III – середина II тыс. до н. э.), который тесно связан с торговлей высококачественными бронзовыми изделиями на всей территории трансевразийской зоны от Алтая до Прибалтики и Скандинавии (Черных, Кузьминых, 1989).

Как предполагается, уральские языки двигались по лесной и лесостепной полосе Евразии из Сибири через Южный Урал в сторону Волги (Grünthal et al., 2022) во времен-

ных рамках бронзового века (II тыс. до н. э.). В качестве языковых следов этого движения сохранились отдельные восточные ветви уральских языков. Так, постепенно отделились друг от друга венгерская, мансийская, хантыйская, пермская и марийская ветви. На средней Волге экспансия на какое-то время приостановилась. Тут, очевидно, сформировалось достаточно крупное местное население с «западно-уральским» языком, носители которого занимались оседлым земледелием. Потомками этого населения можно считать мордву, а также средневековые племена мерю и мурому. Более поздние волны экспансии принесли уральские языки в южную Прибалтику, где находилась прародина прибалтийско-финских языков (Lang, 2018), а также в Карелию, откуда началось распространение саамских языков. Одним из последних событий в этой цепи экспансий стало «прибытие» предка финского языка в тот регион, который сегодня называется Финляндией (Janhunen, 2005).

Необходимо подчеркнуть, что экспансия языков не обязательно сопровождается переселением «народов». Наоборот, чаще всего население остается на месте, но абсорбируется в новую языковую среду, которая по каким-то причинам оказывается более престижной. В случае уральских языков источником престижа мог как раз стать доступ к изделиям из бронзы, но могли быть и другие факторы. Например, само расположение носителей уральских языков на границе двух экологических зон – степей и тайги – могло в определенных условиях образовать такую экономическую нишу, которая создала предпосылки для удачного распространения языка. Что же касается передвижения людей, то оно охватывало в основном мужчин, которые контролировали торговлю не только бронзовыми изделиями, но и, например, пушниной.

Доказательством того, что древние носители уральских языков были знакомы с обработкой металла, является общеуральское слово со значением ‘медь, бронза, железо’, т. е. ‘металл’, фин. *vaski* и т. д., которое можно возвести к прауральской форме **wäčkä*. Скорее всего, этим словом первоначально называли самородную медь, которая встречается как раз на Урале, а также в горных районах Южной Сибири. Об этом слове существует очень много исследований. Оно присутствует во всех уральских ветвях, кроме, как кажется, хантыйской (см. напр., Viitso, 2012). Отмечаются параллели и в других языковых семьях

(Aalto, 1959), но, скорее всего, их первоисточником являются именно уральские языки, из которых это слово было заимствовано в прототохарский, в прототюркский и далее в протомонгольский (Rybatzki, 1994).

Уральское слово для меди встречается также и в самодийских языках, которые, как известно, образуют самую восточную ветвь уральской языковой семьи. Нельзя забывать, что территория распространения самодийских языков еще в XVIII в. доходила до Прибайкалья и Прихубсугулья, где жили племена, говорящие на диалектах маторского (маторско-тайгинско-карагасского) языка. Не исключено, что территория самодийских языков незадолго до этого распространялась еще дальше на восток. Возможно также, что к востоку от самодийцев говорили на каких-то парасамодийских или парауральских языках, которые находились в отношении более далекого родства с современными уральскими языками. Известно, что присутствие тюркских и монгольских языков в Монголии относится к исторически поздним явлениям. Тюркские языки появились в Монголии не раньше «гуннского периода» (начиная с III в. до н. э.), а монгольские, скорее всего, не ранее времени исторических монголов (с IX–X вв. н. э.) (Janhunen, 2020).

Географическое положение самодийских языков является одной из самых острых и спорных проблем в уралоистике. До сих пор делаются попытки объяснить их восточное расположение передвижением прасамодийского языка из какой-то более западной прародины, которая могла находиться на Урале или даже на Волге (Parpola, 2022). Однако идея такого передвижения не поддерживается никакими независимыми фактами, например, археологическими реалиями. Поэтому гораздо более вероятно, что самодийские языки были всегда расположены на востоке, в то время как другие ветви уральских языков двигались постепенно на запад (Janhunen, 2014). Этот вывод соответствует и лингвистическим фактам, по которым известно, что самодийские языки, особенно в лексическом отношении, радикально отличаются от остальных уральских языков, которые образуют так называемую финно-угорскую группу.

Вопрос о том, когда именно и в каком порядке предки финно-угорских языков отделились от самодийских, также является спорным. Общая лексика финно-угорских и самодийских языков, кроме слова для металла, относится к мезолитической культурной среде,

где важными были такие понятия, как ‘лук’, ‘стрела’, ‘рыба’, ‘яйцо’, ‘охотиться’, ‘грести’ и т. д. Терминов для более сложной технологии или более развитых социальных структур в общей лексике не наблюдается. Поэтому, учитывая присутствие древнего термина для металла, можно считать вероятным, что отделение финно-угорских языков от самодийских произошло в энеолите (в IV–III тыс. до н. э.), но не позже.

В любом случае достаточно очевидно, что прародина самодийских языков находилась в Южной Сибири, а точнее в Минусинской котловине на верхнем Енисее. То, что именно долина Енисея являлась главной географической опорой для дальнейшей экспансии самодийских языков, видно и по тому факту, что название этой реки имеет самодийскую этимологию. Сам гидроним *Енисей* был заимствован русскими первопроходцами XVI–XVII вв. на нижнем Енисее у тундровых ненцев, у которых название реки встречается в форме *Енся*. Соответствия этому же названию зарегистрированы и в других самодийских языках, в том числе в энецком, нганасанском и камасинском, а возможно, и в селькупском (Janhunen, 2012). Таким образом, остается нерешенным только вопрос о том, с какого времени самодийские языки присутствуют на Енисее.

Как известно, Минусинская котловина является богатейшей сокровищницей археологии Сибири. Здесь зафиксирована целая серия доисторических культурных комплексов, начиная с афанасьевской культуры энеолита (IV–III тыс. до н. э.) и заканчивая таштыкской культурой железного века (II в. до н. э. – V в. н. э.). В этом регионе менялись не только культуры, но и языки, особенно культурно и политически престижные языки, которые абсорбировались местными жителями. Главным источником для понимания языковой истории Минусинской котловины служат данные о расположении местных аборигенных племен; кроме того, полезную информацию предлагают сведения о топонимике и лексических контактах между местными языками.

Последним исторически престижным языком в Минусинской котловине был тюркский язык енисейских кыргызов (VI–XVIII вв. н. э.). Этот язык не был исконным для региона, а распространился из Монголии, где находился политический центр древних тюрков (V–IX вв. н. э.). Очевидно, что тюркский язык «пришел» в Южную Сибирь в основном

путем языкового сдвига – местное население перешло на тюркский язык под политическим и культурным давлением древних тюрков Монголии. Впоследствии енисейские кыргызы занимали центральное положение в регионе, в то время как их вассалы, «кыштымы», говорившие на более древних местных языках – самодийских и енисейских, были достаточно маргинализированы. Эти «кыштымы» постепенно входили в тюркскую языковую среду и после «угона» элиты енисейских кыргызов в Джунгарию в начале XVIII в. (Копкоев, 1965) как раз и стали теми местными «тюрками», которые легли в основу современного хакасского этноса.

На каком же языке говорили предки енисейских кыргызов до их тюркизации? На этот вопрос может быть только один ответ – на енисейском. Последние племена, говорившие на енисейских языках в Минусинской котловине, а именно аринцы, яринцы и котты (асаны), уже в XVIII в. находились на конечных этапах тюркизации, поскольку территориально и культурно эти племена жили в непосредственном контакте с тюркоязычным населением. В отличие от них некоторые самодийские племена, особенно те, которые жили глубоко в саянской тайге, сохранили свои нетюркские языки до XIX или даже – в случае камасинцев – до XX века. Отсюда можно сделать вывод, что до тюркского периода местным престижным языком в Минусинской котловине был енисейский, а до енисейского периода – самодийский. Этот вывод поддерживается, как кажется, и топонимическими данными, особенно гидронимикой, в которой выделяются тюркские (-су), енисейские (-ул, -сет, -шет) и самодийские (-бат и др.) элементы. При этом следует отметить, что гидронимика Минусинской котловины до сих пор не была предметом такого тщательного анализа, которого она заслуживает.

Енисейские языки представляют особый интерес в общем евразийском контексте, поскольку они во многом, в том числе как в лексике, так и в грамматике, сильно отличаются от всех соседних языков. Вопрос о том, откуда они «пришли», до сих пор не имеет ответа (ср., напр., Vajda, 2001), но сам факт, что они отличаются от соседей, указывает на то, что они недолго присутствуют в сибирской среде. Поэтому логично предположить, что протоформа енисейских языков вошла в Минусинскую котловину вместе с таштыкской культурой, которая, как известно, во многом отличалась от предыдущей тагар-

ской культуры (VIII–II вв. до н. э.). Возможно, что в связи с распространением таштыкской культуры произошло и вторжение нового населения в Минусинскую котловину, однако полной замены прежнего населения никогда не происходило. Видимо, неслучайно таштыкская культура по времени совпадает именно с гуннским периодом (III в. до н. э. – II в. н. э.), поскольку существует предположение, правда окончательно неподтвержденное, что какая-то часть восточных гуннов (сюнну), главная территориальная база которых находилась в Монголии, говорила на енисейском языке (Vovin, 2000).

Если престижным языком таштыкской культуры был енисейский, то логично предположить, что языком тагарской культуры был самодийский. Тагарская культура обычно ассоциируется со «скифским временем» Евразии, и, конечно, в материальном отношении Минусинская котловина I тысячелетия до н. э. входила в контекст скифского мира, который распространялся от Черного моря до Желтой реки. Основная масса этнических скифов говорила на древних формах восточноиранских языков, но нет никакой причины считать, что весь скифский мир был одноязычным. Как раз Минусинская котловина, будучи достаточно изолированным регионом, могла иметь свой собственный язык, которым в то время мог быть только самодийский. Кстати, этот вывод, сделанный из лингвистических соображений, поддерживается, как кажется, и некоторыми археологами (И.Л. Кызласов, устная коммуникация).

По лингвистическим критериям можно предположить, что на прасамодийском и праенисейском языках говорили приблизительно в одно и то же время. Для датирования прасамодийского надежную основу дают некоторые лексические заимствования из тюркского языка «булгарского типа» (Róna-Tas, 1980). На этом языке, очевидно, говорили в Монголии в гуннское время (может быть, наряду с енисейским), и этот же язык был источником большого количества заимствований в протомонгольский. В связи с разрушением гуннского государства (после II в. н. э.) поздняя форма этого языка передвинулась на запад, где она легла в основу языка волжских болгар, от которых позже передалась предкам современных чувашей.

Следовательно, можно предположить, что праенисейский язык, вторгнувшись в Минусинскую котловину в последние века до н. э., встретил там прасамодийский язык, который

был языком тагарской культуры. Таштыкская культура и смена местного престижного языка послужили толчком для начала экспансии самодийских языков по Енисею к северу в самом начале н. э. Существуют лингвистические основания для предположения, что эта северная экспансия происходила в виде нескольких волн, которые вели к формированию современных самодийских языков. Первым отделился нганасанский язык (Янхунен, 1991), который также первым достиг берегов Северного Ледовитого океана и продолжил экспансию на восток по Таймырской тундре. Гораздо позже дошел до берегов океана ненецкий язык, который в свою очередь продолжал экспансию на запад до Канинской и Мезенской тундр, а также на север – на Ямал, Гыдан, и Вайгач.

Если посмотреть на современную этническую карту Сибири, создается впечатление, что самодийцы – это арктические оленеводы, охотники, рыбаки и зверобои. Однако те малочисленные северные народы, которые в наше время говорят на самодийских языках, исторически и генетически имеют очень мало общего с теми людьми, которые когда-то в далеком прошлом говорили на прасамодийском языке в Минусинской котловине. Современные северные самодийцы – ненцы, энцы, нганасаны – это местные народы, которые относительно недавно, в большинстве случаев всего несколько сотен лет назад, сменили свои прежние языки на более престижные самодийские. То же самое можно сказать о тех самодийских племенах – маторах, камасинцах и селькупах, которые «остались» ближе к прародине. Это также местные группы, которые получили свои самодийские языки вторичным путем от первоначальных, уже несуществующих, «самодийцев», поскольку последние в свою очередь сменили свой язык – сначала на енисейский, а потом на тюркский.

Таким образом, самодийские языки распространились по Енисею из Минусинской котловины до Северного Ледовитого океана. Толчком для этой экспансии послужило вторжение праенисейского языка в Минусинскую котловину вместе с таштыкской культурой гуннского периода. Точно таким же образом и по тому же маршруту произошла экспансия енисейских языков под давлением нового престижного языка, который на этот раз был тюркским. Однако, поскольку эта экспансия началась на несколько сотен лет позже, она не достигла океана, а остановилась в исто-

рическое время в районе Турухана. Вслед за енисейскими языками к северу направились и тюркские языки, но их экспансия остановилась уже на Чулыме, где в результате образовался этнос чулымских тюрок – бывших носителей селькупского, а может быть и каких-нибудь местных енисейских языков.

Как можно видеть, языковые экспансии на Енисее происходили в форме цепной реакции. Это не уникальный пример, поскольку сходные процессы известны и по другим регионам. Например, на Амуре и Сунгари можно проследить аналогичную экспансию «амурских» (нивхских) и тунгусо-маньчжурских языков из более южных прародин. Современные носители этих языков – нивхи, ульчи, нанайцы, эвенки, негидальцы, эвены – считаются (за исключением маньчжур и их исторических предков чжурчжэней) коренными «малыми» народами Севера. Однако прародины этих групп языков надо искать в контексте крупных протоисторических политических государств в Маньчжурии и Кореи – Пуё (II в. до н. э. – V в. н. э.) и Когурё (I в. до н. э. – VII в. н. э.). Хотя местное население на территории этих государств уже давно сменило свои языки на другие, оно успело послать волны языковой экспансии к северу по Сунгари и Амуру. Результатом этих экспансий являются современные амурские и тунгусо-маньчжурские этносы (Janhunen, 2022).

Примеры аналогичного развития можно найти и в других частях мира. Например, в Шотландии, по самым ранним историческим сведениям, жили племена «скоттов» и «пиктов», говоривших на неизвестных палеоевропейских языках. В IV–V вв. н. э. в этот регион распространился из Ирландии кельтский язык – гэльский, который быстро полу-

чил престижный статус во всей Шотландии и стал главным официальным языком местных королевств на несколько сотен лет. Однако начиная с XI в. гэльский начал вытесняться английским языком, который распространялся с юга. Территория гэльского языка сокращалась постепенно в сторону северо-запада, где его последние носители в наше время живут на Внешних Гебридских островах, на самой окраине страны (Withers, 1984). Интересно, что именно эти последние носители являются предками тех людей, которые в свое время самыми последними стали говорить на гэльском языке.

В заключение можно сделать общий вывод о том, что для успешной языковой экспансии необходимо достаточно многочисленное население с относительно развитой культурой. Современные же потомки экспансивных языков нередко встречаются только у маргинальных групп, которые находятся лишь в косвенных отношениях с первоисточником языка. В долине верхнего Енисея исходным ареалом для языковых экспансий служила Минусинская котловина, куда время от времени вторгались новые языки, начинавшие отсюда свой экспансивный путь в сторону севера. Именно из Минусинской котловины началась экспансия самодийских языков, которая была вызвана заменой тагарской культуры таштыкской культурой. Мы не можем сказать, какими были языки предыдущих культур, поскольку никаких конкретных следов от них не осталось. По этой же причине мы не знаем, как и когда «пришел» самодийский язык в Минусинскую котловину. Возможно, он просто «остался» там после того, как остальные уральские языки «ушли» на запад.

ЛИТЕРАТУРА

Копкоев К.Г. Об угоне «енисейских киргизов» в Джунгарию в начале XVIII века // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 11 / Отв. ред. Д.И. Чанков. Абакан: Краснояр. кн. изд-во, Хакас. отд-ние, 1965. С. 65–85.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Янхунен Ю. Нганасаны и распад прасамодийской языковой общности // Семинар «Проблемы происхождения народов уральской языковой семьи» (Тезисы докладов) / Отв. ред. Р.Д. Голдина Ижевск 1991. С. 16–19.

Aalto P. Ein alter Name des Kupfers (Старое название меди) // Ural-Altäische Jahrbücher 31. Wiesbaden, 1959. С. 33–40.

Grünthal R., Heyd V., Holopainen S., Janhunen J.A., Khanina O., Miestamo M., Nichols J., Saarikivi J., Sinnemäki K. Drastic demographic events triggered the Uralic spread (Резкие демографические изменения вызвали экспансию уральских языков) // Diachronica. 2022. Vol. 39. № 1.

Janhunen J. När kom finnarna till Finland? (Когда пришли финны в Финляндию?) // Sphinx 2004–2005, Helsinki, 2005. С. 77–91.

Janhunen J. Etymological and ethnohistorical aspects of the Yenisei (Этимологические и этноисторические аспекты Енисея) // *Studia Etymologica Cracoviensia*. 17. Kraków, 2012. С. 67–87.

Janhunen J. A legkeletibb uráliak (Самые восточные уральцы) // *Nyelvtudományi Közlemények*. 110. Budapest, 2014. С. 1–30.

Janhunen J. The differential diversification of Mongolic (Дифференциальная диверсификация монгольских языков) // *Journal of Historical Sociolinguistics*. 2020. № 2 (6). 20190014.

Janhunen J. Amuric hydronyms in Manchuria and the Puyó connection of Ghilyak (Амурские гидронимы в Маньчжурии и связь нивхского языка с Пуё) // *International Journal of Eurasian Linguistics*. 2022. № 2 (4).

Lang V. Läänemeresoome tulemised («Приходы» прибалтийско-финских языков). Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 2018.

Parpola A. Location of the Uralic proto-language in the Kama River Valley and the Uralic speakers' expansion east and west with the “Sejma-Turbino transcultural phenomenon” 2200-1900 BC (Расположение уральской прародины в долине р. Кама и экспансия носителей уральских языков на восток и на запад вместе с сейминско-турбинским транскультурным феноменом) // *Археология Евразийских степей* 2022. № 2. С. 258–277.

Róna-Tas A. On the earliest Samoyed-Turkish contacts (О древнейших самодийско-тюркских контактах) // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Т. 3. Turku, 1980. С. 377–385.

Rybatzki V. Bemerkungen zur türkischen und mongolischen Metallterminologie (Заметки о тюркских и монгольских терминах для металлов) // *Studia Orientalia* 73. Helsinki, 1994 С. 193–251.

Vajda A. Yeniseian Peoples and Languages: A History of Yeniseian Studies with an Annotated Bibliography and a Source Guide (Енисейские народы и языки: История их изучения с библиографией и справочником по источникам). Richmond, Surrey: Curzon, 2001.

Viitso T-R. Early metallurgy in language: The history of metal names in Finnic (Ранняя металлургия в языке: История названий металлов в прибалтийско-финских языках) // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 266. Helsinki, 2012. С. 185–200.

Vovin A. Did the Xiong-nu speak a Yeniseian language? (Говорили ли сюнну на енисейском языке?) // *Central Asiatic Journal*. 2000. 44, № 1. С. 87–104.

Withers C.W.J. Gaelic in Scotland 1689–1981: The Geographical History of a Language (Гэльский язык в Шотландии 1689–1981: Географическая история языка). Edinburgh: John Donald Publishers Ltd., 1984

Информация об авторе:

Янхунен Юха Антеро, доктор наук, заслуженный профессор по языкам и культурам Восточной Азии, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия); asiemajeure@yandex.ru, asiemajeure@yahoo.com

REFERENCES

Копков, К. Г. 1965. In Chankov, D. I. (ed.). *Uchenye zapiski Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii (Proceedings of the Khakassian Research Institute of Language, Literature and History)* 11. Abakan: "Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 65–85 (in Russian.)

Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgii Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen) (Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (Sejma-Turbino Phenomenon))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Aalto, P. 1959. Ein alter Name des Kupfers (On old name of copper). In *Ural-Altische Jahrbücher* 31, 33–40 (in German).

Grünthal, R., Heyd, V., Holopainen, S., Janhunen, J.A., Khanina, O., Miestamo, M., Nichols, J., Saarikivi, J., Sinnemäki, K. 2022. Drastic demographic events triggered the Uralic spread. In *Diachronica*. Vol. 39 No 1.

Janhunen, J. 1991. In Goldina, R. D. (ed.) *Seminar "Problemy proiskhozhdeniia narodov ural'skoy iazykovoi sem'i (Seminar "Issues of the Origin of the Peoples of the Ural Language Family")*. Izhevsk, 16–19 (in Russian).

Janhunen, J. 2005. När kom finnarna till Finland? (When did the Finns arrive in Finland?) In *Sphinx* 2004–2005, 77–91. (In Swedish.)

Janhunen, J. 2012. Etymological and ethnohistorical aspects of the Yenisei. In *Studia Etymologica Cracoviensia* 17. 67–87 (in English).

Janhunen, J. 2014. A legkeletibb uráliak (The easternmost Uralians). In *Nyelvtudományi Közlemények*. 110, 1–30 (in Hungarian).

Janhunen, J. 2020. The differential diversification of Mongolic. In *Journal of Historical Sociolinguistics* 6 (2), 20190014. (in English).

Janhunen, J. 2022. Amuric hydronyms in Manchuria and the Puyö connection of Ghilyak. In *International Journal of Eurasian Linguistics* 4 (2).

Lang, V. 2018. *Läänemeresoome tulemised* (Finnic Be-comings). Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus (in Estonian).

Parpola, A. 2022. In *Arkheologia Evraziiskikh stepei* (*Archaeology of Eurasian Steppes*) (2).

Róna-Tasó A. 1980. On the earliest Samoyed-Turkish contacts. In *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum*, Vol. 3. Turku. 377–385.

Rybatzki, V. 1994. Bemerkungen zur türkischen und mongolischen Metallterminologie (Notes on Turkic and Mongolic metal terminology). In *Studia Orientalia* 73. Helsinki, 193–251. (in German).

Vajda, A. 2001. *Yeniseian Peoples and Languages: A History of Yeniseian Studies with an Annotated Bibliography and a Source Guide*. Richmond, Surrey: Curzon.

Viitso, T-R. 2012. Early metallurgy in language: The history of metal names in Finnic. In *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 266. 185–200 (in English).

Vovin, A. 2000. Did the Xiong-nu speak a Yeniseian language? In *Central Asiatic Journal* 44 (1), 87–104.

Withers C.W.J. 1984. *Gaelic in Scotland 1689–1981: The Geographical History of a Language*. Edinburgh: John Donald Publishers Ltd., 1984.

About the Author:

Janhunen Juha Antero, PhD, Professor Emeritus in East Asian Languages and Cultures, University of Helsinki. P.O. Box 4. Yliopistonkatu 3, Helsinki, 00014, Finland; asiemajeure@yandex.ru, asiemajeure@yahoo.com

Статья поступила в журнал 01.02.2022 г.
Статья принята к публикации 01.04.2022 г.